

адзення беларусаў. Стварэнне моднага адзення з выкарыстаннем элементаў нацыянальнага касцюма адзначаецца шматстайнасцю мастацкіх рашэнняў. Апраўданае выкарыстанне розных відаў сям'ятычных знакаў, знакавых сістэм, адлюстраваных у традыцыйным нацыянальным касцюме, улік іх структурных асаблівасцей, удала спалучэнне народных элементаў і сучасных матэрыялаў забяспечвае стварэнне арыгінальных мадэляў, заснаваных на гармоніі традыцыйных і сучасных складнікаў.

РОЛЬ РЕЧКИ ЛОШИЦЫ В ЖИЗНИ ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА

THE ROLE OF THE LOSHYTSA RIVER IN THE LIFE OF THE POLOTSK PRINCIPALITY

Н. М. НОВИКОВА

N. M. NOVIKOVA

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

dedal39@mail.ru

В статье автор рассматривает роль и значение речки Лошицы в истории Полоцкого княжества и на основании сведений из смежных источников создает образ средневекового поселения в период движения викингов. Приводится оригинальная точка зрения современных историков на события зимы 1066—1067 годов.

Ключевые слова: Лошица; археология; викинги; шлях «из Варяг в Греки»; язычники; клады; куфический дирхем; волок; Немига.

In this article, the author examines the role and importance of the Loshitsa River in the history of the Polotsk principality and, based on information from related sources, creates an image of a medieval settlement during the Viking movement. The original point of view of modern historians on the events of the winter of 1066-1067 is given.

Keywords: the Loshitsa River; archaeology; Vikings; the way «from the Varangians to the Greeks»; pagans; treasures; kufic dirhem; snaking trail; the Nemiga river.

*...землі будучай Беларусі.. з'явіліся тым месцам,
дзе вялікія водныя артэрыі, дзякуючы шматлікім
прытокам і волакам, злучаліся паміж сабою ў адзіную
рачную сетку, што стала той прыроднай асновай,
на якой ткалася наша гісторыя.*

М. Ермаловіч

Топонимика Беларуси знает две реки с именем Свислочь. Одна из них – левый приток Нёмана – протекает по территории Гродненской области, на границе с Польшей, и относится к бассейну Балтийского моря. Другая Свислочь принадлежит центральной части Беларуси и берёт начало в Воложинском районе, в полутора километрах к юго-востоку от деревни Шаповалы. Потом, сливаясь с Березиной, несёт свои воды в Днепр и дальше – в Чёрное море. На берегу этой Свислочи во второй половине XI века полоцкий князь Всеслав Брячиславич по прозвищу Чародей, укрепляя южные рубежи своей державы, построил Менскую крепость, которой, при выяснении отношений с соседями, пришлось неоднократно доказывать верность княжеского решения о строительстве твердыни [4, с. 105—117]. Река, связавшая Минск с Изяславлем (современным Заславлем), не входила в число наиболее крупных водных артерий Полоцкой земли, однако выполняла ответственную функцию, участвуя вместе с Березиной и Днепром в работе важнейшей торговой магистрали средневековой Европы – торговом пути «из Варяг в Греки», из Балтийского моря в Чёрное.

Покрытые непроходимыми лесами берега Свислочи, местами крутые и обрывистые, люди начали заселять в незапамятные времена. Об этом свидетельствуют многочисленные следы далёких времён: курганы и остатки поселений, для которых река была центром жизни. Замерзала Свислочь, как правило, к середине декабря, а вскрывалась не раньше второй половины марта. Таким образом, средняя продолжительность ледостава составляла приблизительно 90 суток, а половодье длилось около 50 суток [10, с. 220—221].

Поселенцев, у которых забота о пропитании была постоянной, река кормила рыбой и звала в дорогу. Сухопутные дороги длинны и опасны, а река готова нести на себе путника и летом, и зимой. Однако со стороны реки существовала и постоянная внешняя угроза. Поэтому неукрепленные поселения располагались, как правило, на высоких берегах, где легче было держать оборону от завоевателей.

В то время, когда грабежи и разбой были частью повседневности, одним из наиболее важных феноменов жизни стало движение викингов – воинов и торговцев из северных пределов, бродяг и авантюристов, закаленных суровой жизнью на неплодородной земле Скандинавии. Океан

был их вторым домом, а мародерство и разбой – основной целью. Их не удерживали никакие границы, а реки давали возможность передвижения по континенту и создания обширной торговой сети от Ирландии до Ближнего Востока.

В те беспокойные времена здесь, где Свислочь соединяется со своим правым притоком – Лошицей, под защитой леса прижимались друг к другу обнесенные плетнями хатки небольшого обращенного к реке поселища. Время не сохранило письменных свидетельств о жизни этого мелкого населенного пункта эпохи средневековья, но и не стерло окончательно его следы. Добывая их, археологи провели тщательное обследование территории, но, к сожалению, сохранность культурного слоя на месте расположения поселища оказалась настолько нарушенной, что проводить детальные раскопки не сочли нужным. Здешняя плодородная почва в последующие века оказалась занятой посевами, непрестанно из года в год обрабатывалась, и культурный слой, столь ценный для поиска материальных следов прошлого, не уцелел. Свидетельства минувшей эпохи взрывались регулярными вспашками, выходили на поверхность и развеивались в пространстве. Возможно, обнажались и древние клады, но такие факты скрыты в толще столетий. Еще и сегодня внимательный взгляд может заметить под ногой осколки давних лет, но лишь в виде небольших кусочков керамики X—XII веков, разбросанных временем по территории парка. Однако и это – огромная ценность для равнодушно исследователя.

Подобные крупицы информации помогают вытаскивать из забвения и небытия увлекательные моменты прошлого, связывая их между собой и наполняя настоящее ощущением всеобщего единения пространства и времени. Становятся близкими и осязаемыми чуждые до сих пор моменты, оживают участники давно минувших событий. Выясняется, что грозные вараги, бурей топоров ворвавшиеся в историю и державшие в ужасе средневековую Европу, плавали вот здесь, мимо наших берегов. А жители небольшой прибрежной веси волей-неволей включались в сложную систему взаимоотношений с ними и в полной мере испытывали влияние этих контактов.

Любопытно заглянуть в то время, узнать, почувствовать, как жилось им, тогдашним, 1000 лет назад. В своих скромных домах чувствовали ли они себя защищенными? Обширные исследования и реконструкции белорусских археологов помогают удовлетворить любопытство, позволяют познакомиться с нехитрым бытом и устройством жилья наших предков, дают возможность представить жизненный уклад лошицких поселенцев X—XI столетий.

Это была простая жизнь крестьянской общины дреговичей, проживавших на северо-западной окраине своих земель, в пограничной кривическо-дреговической области, вошедшей в состав Полоцкого княжества. Близкое соседство вело к территориальному и этническому смешению дреговичей с полочанами на основе балтского субстрата. Родовую общину в то время уже сменила сельская, которая допускала в свой состав инородческое население. Свободные землепашцы – члены общины – вели свое нехитрое хозяйство и при выполнении повинностей подчинялись только державе. Обрабатываемая земля была их собственностью и передавалась по наследству. Древнебелорусский этнос активно формировался при непосредственном участии наших поселенцев, которые просто жили – беспокоились о насущном и не задумывались об исторических процессах и направлении эволюции.

Сеяли хлеб, выращивали овощи, ухаживали за садами, заботились о скотине. Охотились, ловили рыбу, летом запасались лесными дарами: грибами, ягодами, — чтобы хватило пропитания на долгую зиму. Занимались домашними ремеслами, достигнув в этом немалого искусства. Почти все свои потребности в ремесленных изделиях поселенцы удовлетворяли сами: изготавливали хозяйственный инвентарь, плотничали, столярничали, лепили из глины посуду, гнали деготь. Когда же необходимо было произвести железные части рала или плуга, или другие металлические изделия, обращались к местному кузнецу, пользовавшемуся у соседей огромным уважением и авторитетом. За умение обращаться с огнем ему приписывали магические способности. Связанный своим тайным знанием с божьим ковалем Сварогом, он был вторым по значимости членом общины после жреца.

Женские занятия — прядение, ткачество и иные рукоделия — помогали не только одевать семью и создавать в доме уют, но и реализовывать творческие потребности. К X веку ткачество стало одной из важных ветвей домашнего производства. И наши пра-пра-пра-прабабушки, любившие наряжаться и заботившиеся о своей внешности, для изготовления пеньковых, льняных и шерстяных тканей уже использовали горизонтальный ткацкий станок [1, с. 39]. Свои наряды они дополняли множеством украшений – разнообразными бусами и подвесками, стеклянными и металлическими браслетами и перстнями, височными кольцами. Это были не просто красивые вещицы. Язычники приписывали им магические свойства, способность защищать особо уязвимые участки тела – горло, виски, запястья. В их глазах женщина, продолжательница рода, была существом священным, и ее наряд отличался обилием таких оберегов.

Охотники, кроме пропитания, добывали мех, необходимый для товарообмена. Население не было замкнутым. Жители поселища были связаны тесными торговыми отношениями и с соседними населенными пунктами, и с отдаленными центрами. В те времена наши предки вели обмен товарами не только местного, но и иноземного происхождения. Освоив в IX—X веках дальние пути к Черному и Каспийскому морям, они свели тесное знакомство с арабскими монетами, и внешняя торговля была более развита, чем внутренняя [13, с. 115].

Планировка поселища была беспорядочной, дома, произвольно возведенные на возвышенности, жались друг к другу в окружении хозяйственных служб, среди которых наиболее важное место занимали укрытия для скота.

Жилем служили небольшие срубные постройки с единственным помещением площадью от 10 до 16 кв. м под соломенными или камышовыми кровлями, с теплыми глинобитными полами. Их собирали из смолистых сосновых или еловых бревен диаметром 14—26 см. Стены возвышались на 11—15 венцов над фундаментом (подрубом) из толстых дубовых плашек или валунов. Потолков не делали — слегу перекрытия, служившие основой кровли, укреплялись на выступах сруба и соединялись вверху, образуя сплошной свод (суцэльны закот). Это увеличивало внутреннее пространство помещения, отапливаемого курной глинобитной печкой, размещенной устьем к порогу. Дым от нее поднимался вверх, к прорезанному в двух верхних смежных венцах волоковому окошку с задвижкой [7, с. 222—225, с. 236]. В хатках, построенных на глинистой почве, задерживавшей талые и дождевые воды, стелили деревянные полы [6, с. 143].

Даже в солнечный день в домах царил сумрак — поселенцы обходились без окон. Им хватало низких, приподнятых над землей на 3—4 венца дверных проемов, смотревших на юг. В скромном интерьере жилища самодельные лавки и полки, украшенные резными магическими символами, располагались у стен. Тканым пологом отделяли место отдыха. На полках держали домашнюю утварь: деревянную, берестяную и глиняную посуду. Лепная керамическая посуда изготавливалась в каждой семье вручную и была далека от совершенства. Однако в середине X века у наших предков появился гончарный круг, и гончарную керамику стали делать профессиональные мастера, ревниво оберегавшие секреты своего ремесла.

Все вокруг было населено духами — лешими, водяными, русалками, домовыми, и жизнь наполнилась тесным общением с ними. Местом домашней ворожбы, своеобразным алтарем был печной столб — хранитель огня.

С помощью чародейства, магических обрядов и ритуалов люди стремились взаимодействовать с силами природы, влиять на судьбу, воздействовать на предметы словесными формулами и заклинаниями. Была магия хозяйственная – земледельная, бортничья, строительная, была – любовная, была – вредоносная [12, с. 190—191]. С магией сблизилось врачевание. Заговоры не были исключительной принадлежностью избранных, принадлежали всем.

Наши пращуры-язычники нерушимо верили в помощь предков и смерти не боялись, её ждали спокойно, с невозмутимой верой в загробную жизнь. К культу предков относились с большим почтением. Легенды о них передавались из поколения в поколение, а празднования в их честь происходили несколько раз в году. При этом считалось, что души, перешедшие в иной мир – дяды и людки, следят за своим родом и защищают его. Поэтому близких хоронили недалеко от жилища – пусть всегда находятся рядом и помогают живым. Место захоронения было свято. Курган означал, что эта земля – собственность тех, кто на ней живёт [9, с. 180]. Неспроста девять курганов отделяют от реки древнее селище Лошицкого парка. Ведь варяги и на торговых путях не упускали случая пограбить. Да и добавок вынуждали местное население платить дань серебром или товарами.

Вот скандинавские ладьи, устремляющиеся к сокровищам Востока, неспешно несут по реке ватаги чужеземцев и их товары. Упираются гребцы, поглядывают на укрытые лесом приземистые лошицкие срубы. А на берегу притаились и опасливо, но с жадным любопытством, разглядывают варягов недоверчивые и осторожные поселенцы. Рослые, статные чужаки внушают страх и удивляют. Белокурые великаны ростом до 180 см, великолепно сложенные и нарядно одетые, никогда не расстаются со своими мечами и топорами. Есть на что посмотреть, но лучше издали. Известное дело, у незваных гостей с севера граница между обменом товарами и грабежом весьма неустойчива. Хоть и ведомо гостям, что здесь живут их важные торговые партнеры и серьезные военные противники, – лучше быть начеку. Когда банды налетчиков охотятся за золотом и рабами, нелишне держать наготове грозное оружие дальнего боя – луки и стрелы с острыми ромбовидными наконечниками. На случай столкновения интересов.

Много золота и серебра добывали те, кто отправлялся в Восточную Европу, Византию и Халифат. За год купец мог заработать больше, чем преуспевающий земледелец за всю жизнь. Для торговых операций у северных пришельцев имелись специальные грузовые суда — кнорры. Не такие, как их военные корабли. Широкие, устойчивые, медлительные, они были хорошо приспособлены для перевозки грузов. На

кноррах варяги от Балтики поднимались по рекам до Новгорода, там часть товаров продавали, часть – покупали. И все грузы переваливали на более мелкие суда, подходящие для плавания по небольшим восточноевропейским рекам. Проводкой кораблей по рекам руководили опытные корабельщики-профессионалы. Варяги называли их штурманами, славяне — кормщиками [11].

Знаменитая водная магистраль, проходившая в основной своей части через Русь, обслуживалась монетами Арабского Халифата. Местом их чеканки были иракские города ал-Куфа и ал-Басра. Поэтому IX—X века специалисты-нумизматы назвали периодом куфического дирхема. Наибольший наплыв этого денежного средства на территорию Беларуси пришелся на середину и конец X столетия, о чём археологам рассказали монетные клады, которых немало было зарыто вдоль шляха и его ответвлений в те беспокойные времена. Куфические дирхемы и их фрагменты стали первыми денежными единицами Руси. Чеканили дирхемы из высокопробного серебра, поэтому кусочек монеты также имел ценность. Когда для мелких торговых сделок целые монеты были слишком крупными, их резали или ломали, благо монета была тонкой [13, с. 109—110].

Но в конце X века контакты с Халифатом ослабевают, поступления восточного серебра на земли Полоцкого княжества сокращаются, и направление внешней торговли меняется. В XI веке поставщиками серебряных денариев, обильно насытивших берега Западной Двины и Днепра на пути «из Варяг в Греки», становятся европейские страны [13, с. 119].

Кроме арабских и западноевропейских монет, в кладах обнаруживается многое из того, чем наполнились средневековые торжища – разные предметы скандинавского, западноевропейского, византийского и восточного происхождения, изделия киевских и новгородских ремесленников [17, с. 217—218].

На рынки Константинополя скандинавские купцы, кроме оружия, меха, янтаря, меда и огромных серо-желтых камней воска, везли невольников. Человеческий товар был одним из основных объектов торговли: цена за мужчину составляла 12 унций серебра, за женщину давали 8. На Запад кнорры увозили вина, фрукты, благовония, пряности, ковры, слоновую кость, дорогие камни, породистых скакунов и другие диковины Востока, список которых неисчерпаем. Возвращались с монетами, золотыми и серебряными изделиями, с дорогими тканями, среди которых главным был китайский шелк, ставший наряду с золотом международной валютой.

Течение рек способствовало миграциям людей и циркуляции идей. Вместе с товарами по торговым путям путешествовали культурные и

религиозные традиции разных народов, новые слова и понятия. Купцы распространяли обычаи и житейские правила иноземцев. От них узнавали лошицкие поселенцы о нравах и порядках, царивших далеко отсюда, знакомились с товарами из заморских краев, дивились искусству чужеземных мастеров. К моменту принятия в конце X века христианства они уже слышаны были о Христе и апостолах. Постепенно в сознание язычников проникала новая религиозная идея. Так скромная и неизвестная речка Лошица вносила свой вклад в историю развития мировой цивилизации, став важным связующим звеном между культурами Востока и Запада, проводником идей и инноваций.

Возвращавшиеся из Константинополя ладьи, выходя из Свислочи, далее следовали по Лошице до её верховьев, откуда начинался сухопутный отрезок магистрали – волок до Птичи. Расстояние наибольшего сближения двух соседних судоходных рек, где сухопутная связь между ними была самой удобной, обычно не превышало 20—30 км. Здесь ладьи и челны волокли по суше на катках или колесах из одного водного бассейна в другой. Иногда от воды до воды перетаскивали или перевозили выгруженные товары. В зависимости от удобства перемещения и рельефа местности волоки работали или в обоих направлениях, или в одном. Их использовали не только в торговых и хозяйственных целях, но и во время военных походов [15, с. 349—350].

Вот как образно описывает работу волока белорусский писатель Леонид Дайнека: «...На волаках валачане пад наглядям волацкага цівуна выцягвалі ладзю з вады на бераг, падклаўшы пад яе дубовыя каткі. Потым ставілі ладзю на колы – вялізную павозку, у якую былі ўпружаны цяглавыя коні, – і везлі да наступнай вады. Цяжка рыпелі колы. Матаючы галовамі, павольна ішлі коні, і хмары аваднёў кружыліся над імі» [2, с. 279—280].

На месте волока археологи нередко обнаруживают остатки поселения и курганные могильники, принадлежавшие поселенцам, которые его обслуживали. Случается находить и денежно-вещевые клады, зарытые торговцами или местными жителями в час опасности.

В «Повести временных лет» и других средневековых документах упоминаются некоторые волоки между верхним Днепром и левыми притоками Западной Двины, а также ее правыми притоками и рекой Ловатью, соединявшие отрезки пути из Варяг в Греки. Проанализировав данные топонимики и топографии и сопоставив их с летописными сведениями, исследователи пришли к выводу, что по территории Беларуси в те времена было рассеяно около 20 волоков, связывавших левые притоки Припяти и правые Днепра с притоками Западного Буга и Нёмана.

Остатки Лошицкого волока были выявлены на окраине деревни Дворецкая Слобода Минского района. В результате археологических обследований пересохшего ныне верховья Лошицы, проводившихся во второй половине 1980-х и в начале 1990-х годов, археологи Г.В. Штыхов и Ю.А. Заяц обнаружили крупное неукрепленное поселение X—XI столетий, а в нем — около сотни жилищ со следами занятий ремеслом и сельским хозяйством. Среди находок оказались предметы разного происхождения — и привозные вещи, и изделия местных ремесленников: детали вооружения, накладка от боевого пояса воина-дружинника, глиняные пряслица, керамика [6, с. 145—146].

Клеймо в форме трезубца — знака Рюриковичей — на керамической посуде подсказало исследователям, что поселище контролировала княжеская администрация, так как местные жители обслуживали пятикилометровый волок. Это был важный участок в системе магистрали «из Варяг в Греки». Здесь, как и полагалось на местах перевалок, существовала необходимая инфраструктура — бечевники в мелководных верховьях рек, древесный ход с дрогами, обслуживавшие их люди и животные. Здесь же были и верфи для небольших речных ладей, размещались экипажи лодок для погрузок и отплытия назад.

Население составляли следующие категории. На первом месте княжеская администрация. Местной аристократией, несомненно, была речная обслуга — лодочники, или экипажи. Значительную часть жителей, надо полагать, составляли ремесленники. Нельзя было обойтись без кузнеца, а кузнецу нужен помощник. Плотники занимались строительством изб, ремонтом лодок, а возможно, и их изготовлением. Возможно, в поселище жили гончары.

Этот волок соединял верховье Лошицы с Менкой, а открытое археологами поселище — с городищем на Менке, которое было центром целой округи на водном пути из Днепра — через Березину и Свислочь — в Балтийское море. Некоторые историки считают его первоначальным Менском, позднее перенесённым на нынешнее место, и полагают, что свое название город получил от имени Менки. Ныне археологический памятник «Городище на Менке» входит в экскурсионный маршрут «Минское кольцо».

Среди историков существует мнение, что именно после постройки нового Менского замка у слияния Свислочи и Немиги городище на Менке, а с ним и селище на Лошицком волоке пришли в упадок [16, с. 220; 15, с. 474].

Для Беларуси XI столетие стало бурной эпохой, включавшей посягательства соседей, военные походы, расширение Полоцком своих владе-

ний, защиту независимости, строительство городов и долгое княжение Всеслава Чародея с его жесткой борьбой за укрепление вотчины и удвоение личных амбиций. Шлях «из Варяг в Греки» оставался одной из важнейших торговых магистралей Восточной Европы, и борьба за выходы к нему не прекращалась.

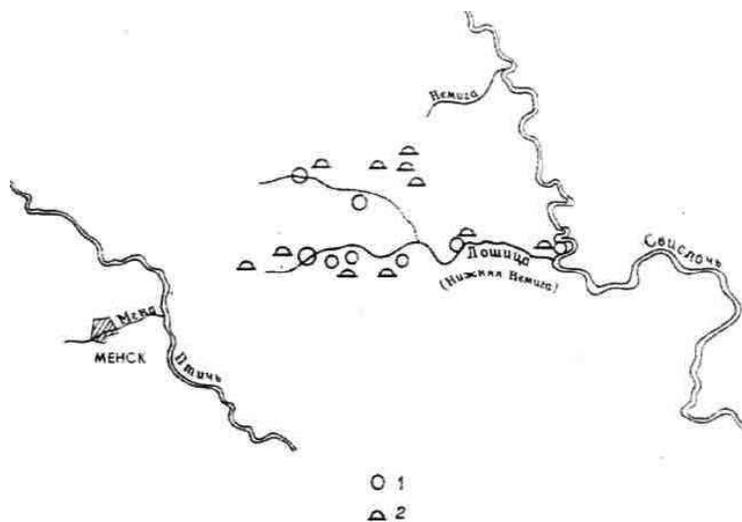
Шлях имел многочисленные ответвления. Вариант северной его части вёл напрямую из Рижского залива по Западной Двине через Полоцк, затем через волоки в Верхнее Поднепровье, далее через реку Друть – в Днепр и, вниз по Днепру, в Чёрное море. В начале XI века, при Брячиславе Изяславиче, под контролем Полоцка оставалось только двинское направление. Но в 1021 году Ярослав Мудрый, заключив мирное соглашение с племянником своим Брячиславом Полоцким, передал ему ключевые пункты водного пути – Витебск и Усвяты. Таким образом, Полоцк вернул себе значительную часть исконной кривичской территории и вышел на ловатско-волховский участок основной магистрали [3, с. 92—102].

Наследник Брячислава, князь Всеслав Чародей, продолжил политику отца – активно отстаивал интересы княжества, расширял его территорию и укреплял границы, выступая инициатором военных конфликтов с Киевом до конца 70-х годов XI века [5, с. 91]. Используя напряжённость на юго-восточных рубежах Киевской Руси, возникшую из-за вторжения половцев, в 1065 году он напал на Псков, затем разграбил Новгород. Объектом для ответного удара братья Ярославичи выбрали Менск, который тогда располагался на Менке — притоке Птичи, в 16 км к юго-западу от впадения Немиги в Свислочь. Жестокое побоище на Немиге после разорения Менска одновременно положило начало его летописной истории.

Чем глубже заглядываешь в минувшее, тем меньше свидетелей и свидетельств, тем больше вопросов. Расшифровать и объяснить намеки прошлого непросто, даже если события описаны в источниках. Поэтому у истории так много загадок. Разорение Ярославичами Менска и битва на Немиге – из их числа. Не выяснено точно, какой Менск уничтожили Ярославичи: тот, что на Менке, или тот, что на Свислочи. Некоторые специалисты сомневаются как в летописной трактовке этого события, так и в официально установившейся точке зрения на него. Сомнения вызывают и обстоятельства сражения на Немиге, и его предыстория, и результаты, и даже место, где оно происходило.

О месте Немигской битвы есть смелое суждение, принадлежащее Юрию Афанасьевичу Заяцу – белорусскому ученому, специалисту по проблемам археологии Центральной Беларуси и истории Полоцкой земли, которое поддерживают и другие историки. Изучив свидетельства летописных источников о событиях зимы 1066—1067 годов, сопоставив их,

проанализировав и собрав воедино все детали, ученый проследил возможные варианты передвижения войск противников и пришел к интересному выводу. По его мнению, 3 марта 1067 года местом кровавого сражения стали берега не Немиги, а Лошицы. При этом в цепочке своих рассуждений ученый обратил внимание на деталь, ускользнувшую от внимания его коллег-предшественников. Как оказалось, в Свислочь впадают две Немиги – Верхняя и Нижняя. На Верхней Немиге в последние десятилетия XI века князь Всеслав построил новую Менскую крепость – взамен разоренной на Менке. А Нижней Немигой на протяжении столетий называли речку Лошицу, которая впадает в Свислочь ниже по течению на полтора десятка километров. Старое ее название не было окончательно забыто и употреблялось местными старожилками ещё в начале XX века. Факт, между прочим, на Беларуси не единичный. За Новогрудком до начала XIX века удерживалось его старое название Жёвны (Жоўны) [14, с.16].

Район столкновения войск Всеслава и Ярославичей 3 марта 1067 г.
 Условные обозначения: 1 – исследованные поселения; 2 – курганные могильники. (Реконструкция Ю.А. Заяца) [5, с. 111].

Взяв Менск на Менке, притоке Птичи, Ярославичи стали уходить с добычей и полонем по давно проторённой и привычной торговой дороге, а именно: из Птичи через волок на Лошицу (т.е. Нижнюю Немигу) и далее по Свислочи, Березине и Днепру – в свои пределы. На этом-то пути, на Нижней Немиге (т.е. на Лошице), их перехватил Всеслав, и произошло

сражение [5, с. 98], тяжелейшее для обеих сторон, в котором победителей не было: «...Немиги кровавые берега не добром были посеяны — посеяны костями русских сынов».

Викинги, проложившие знаменитый путь «из Варяг в Греки», давшие начало княжеской династии Рюриковичей и более двух веков принимавшие активное участие в жизни Киевской Руси, стали сворачивать свои завоевательные походы в первой половине XI века. Точную дату окончания их владычества ученые не называют, но причин указывают несколько. Распространялось христианство. Христианство не одобряло грабежи, по которым не платилась дань римской католической церкви. Население скандинавских земель сократилось, на смену родовому строю приходили феодальные отношения, и полукочевой образ жизни норманнских разбойников сменялся оседлым. То, что начиналось нападением и войной, заканчивалось ассимиляцией. Направление и характер походов постепенно изменялись, и во второй половине XII века военные акции викингов, предпринимавшиеся с традиционной целью обогащения, прекратились почти полностью.

Торговый путь «из Варяг в Греки» стал утрачивать свое значение. На юге он уступал место средиземноморской торговле. На севере, в Балтийском море, в XII столетии появились немецкие купцы, и торговые интересы Руси, ранее экономически ориентированной на Восток, окончательно обратились к Западной Европе.

В международной торговле XIII века значительно усилилась роль Западной Двины, которая непосредственно связывала Витебск, Полоцк и Смоленск с Ригой, Готландом и немецкими городами. Постепенно в балтийской торговле главную роль взяла на себя Ганза — союз немецких торговых городов, соединив страны вокруг Балтийского и Северного морей [11].

Эпоха викингов закончилась, а с ней прекратил существование созданный ими путь «из Варяг в Греки».

Крепость Менск, второй по величине и значению город Полоцкой земли, удобно расположенный на скрещении нескольких древних путей, а также его окрестности вместе с малой речкой Лошицей, правым притоком Свислочи, не оставались в стороне от важных событий средневековой Европы, а были их непосредственными участниками. Повседневная жизнь наших далеких предков, наполненная их собственными заботами, стала важнейшей составляющей жизни Полоцкой земли и немалым вкладом в общую картину европейской истории. В тех событиях незаметная и незначительная речка Лошица сыграла не последнюю роль. А жизнь в поселении, расположенном у ее слияния со Свислочью, в XII столетии

угасла и, вероятно, не возобновлялась до XV века. Во всяком случае, сведения о возможных событиях, наполнявших промежутки между этими датами, пока скрыты в глубине веков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Віннікава, М.М. Меркаванне аб з'яўленні і развіцці гарызантальнага ткацкага станка на тэрыторыі Беларусі / М.М. Віннікава // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 4. – Сярэднявечча. — Мінск: Інстытут гісторыі АН Беларусі, 1994. – 226 с.
2. Дайнека, Л. Меч князя Вячкі / Л. Дайнека. – Мінск: Юнацтва, 1993. – 335 с.
3. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь. Полацкі і Навагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. – 366 с.
4. Загорульский, Э.М. Древний Минск / Э.М. Загорульский. — Минск: Госиздат БССР, 1963. – 121 с.
5. Заяц, Ю.А. Полоцкий князь Всеслав и Ярославичи в 1065—1066 годах: от Пскова до Белгорода / Ю.А. Заяц // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 4. – Сярэднявечча. — Мінск: Інстытут гісторыі АН Беларусі, 1994. – 226 с.
6. Заяц, Ю.А. Паселішча X—XIII стагоддзяў каля вёскі Дружба (Рылаўшчына) / Ю.А. Заяц // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 3. – Мінск: Інстытут гісторыі АН Беларусі, 1994. – 286 с.
7. Лакотка, А.І. Пад стрэхамі прашчураў / А.І.Лакотка. – Мінск: Польша, 1995. – 384 с.
8. Минск: Энциклопедический справочник. – Минск: Гл. ред. Белорус. Сов. Энциклопедии, 1980. – 424 с.
9. Мифологический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 672 с.
10. Природа Белоруссии: Популярная энциклопедия. — Минск: Белорусская Советская Энциклопедия, 1986. – 599 с.
11. Рёсдаль, Э. Мир викингов / Э. Рёсдаль [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ulfdalir.ru/literature/235/> – Дата доступа: 15.12.2017.
12. Рэлігія і царква на Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. – Мінск: БелЭн, 2001. – 368 с.
13. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич.— Минск: Польша, 1995. – 687 с.
14. Тарасаў, К. Памяць пра легенды: Постаці беларускай мінуўшчыны / К. Тарасаў. – Мінск: Польша, 1990. – 263 с.
15. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Т.2. — Мінск: БелЭн, 1994. – 537 с.
16. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Т.3. — Мінск: БелЭн, 1996. – 527 с.
17. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Т. 6. – Кн. 2. — Мінск: БелЭн, 2003. – 616 с.